

*Шарабрина Е.А.,
аспирант кафедры философии и культурологии,
ФГБОУ ВПО «Орловский государственный университет»*

ЮРОДСТВО КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН: СПЕЦИФИКА СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ, КАТЕГОРИАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

В статье автор выделяет социально-философский подход к исследованию феномена юродства. Обосновывается актуальность данного подхода для социума современного мира. В частности, отмечается, что социальная философия может открыть в феномене юродства новые стороны и грани, ранее не осмысленные гуманитарной наукой. Большое внимание автор уделяет этимологии понятия «юродивый», анализируя базисные древнегреческие выражения о божественности, святости и безумии. Делается акцент на тесной содержательной связи понятий «юродивый» и «безумный», в то время как понятие «святость» в древнегреческом сознании и языке с юродством связано не было. Наиболее полное воплощение категория «юродства» в христианском значении приобретает в старославянском языке.

Юродство в современном мире постмодерна становится одним из видов девиантного поведения, часто встречающимся почти во всех сферах общественной жизни: в политике, искусстве и т. д. Для светского сознания утрачивается религиозное наполнение данного феномена. Юродивых в новом смысле слова становится много, однако этот феномен еще не нашел должного осмысления ни в современной гуманитарной науке, ни в социальной философии. Всеобщий, философский подход к данному феномену в отечественной и зарубежной литературе остался не выявленным.

Выделение социально-философского аспекта феномена юродства – качественно новый взгляд, позволяющий открыть новые стороны юродства, выявить его социальную сущность, трансформацию (и ее причины) места, роли, смысла юродства в жизни общества с изменением самого общества. Специфика подхода социальной философии состоит в уяснении смысла существования феномена юродства для общества, современного ему, с перспективой обращения к миру сегодняшнего дня. Социально-философский подход также ставит своей целью определить, что же представляет собой современное юродство, и, в конце концов, ищет ответ на вопрос: может ли феномен юродства помочь вывести общество из мировоззренческого кризиса, показав ему иные ценности, альтернативный способ существования? Анализируя традицию иконописания, Туминская Ю.А. пришла к выводу, что феномен российского юродства стал движущей силой духовного прогресса русской культуры в XV-XVII веках: «...энтелехия иконографии юродства в русской иконописи XV-XVII вв. подтверждает идею энтелехии юродства в общей историко-

культурологической ситуации» [10]. Кроме того, юродивые ради Христа, с точки зрения Исупова К.Г., в свое время вдохновили и русскую философию, определив прочную основу всех ее исканий: «...в юродском идеале мирской святости на века был задан русский тип амбивалентного и экстремального самоотречения (он многообразно выражен в позднейшем философско-литературном поведении наших авторов и в семантике философских текстов). ... Русская философия стала практикой приоритетного слова (т. е. слова, в первый раз говорящего последнюю правду), бесстрашного и по-юродски бесстыдного, звучащего неуместно посреди изолгавшегося мира» [6]. Быть может, современной философской мысли на пути преодоления мировоззренческого кризиса эпохи стоит обратиться к реалиям прошлого и там найти зерно, еще способное расти и давать свои плоды.

Прежде чем дать феноменологический анализ юродству, следует уточнить категориальный аппарат исследования. Обратимся к этимологии термина «юродство». Для обозначения частного отдельного человека древние греки использовали слово *ἰδιώτης* [3, с.811]. Узкий смысл данного понятия обозначает человека, не участвующего в общественных собраниях и государственных делах. В разных вариациях этого слова речь идет о несведующем, непросвещенном человеке в каком-либо деле вообще. Латинский язык заимствует термин *ἰδιώτης*, придавая ему еще более негативный оттенок (лат. яз. *idiota* – «слабоумный») [4, с.108]. Слово *ἰδιώτης* с уже трансформированным значением применялось для обозначения первых апостолов, однако, по замечанию С.А. Иванова, оно никогда не было использовано по отношению к юродивым ради Христа [5, с.33-34].

Пророческий дар юродивых стал приниматься обществом лишь в эпоху позднего Средневековья, тогда как в раннехристианские времена к нему относились негативно, ссылаясь на Евангелие от Марка 3:21: «И слышавше иже бяху у Него, изыдоша, да имут Его: глаголаху бо, яко неистов есть», то есть «... они слышали, что Он изгоняет бесов и исцеляет болезни: то по зависти думали, что Он имеет беса и *неистов есть*, почему и хотели взять Его, чтоб связать, как беснующегося. Так думали и хотели поступить с ним и ближние Его. ... Поелику они не могли отвергать совершившихся пред ними чудес...», – пишет Феофилакт Болгарский [1]. К пророкам применялось греческое слово *μάντις* – прорицатель, а также слово *Θεόληπτον*, обозначающее безумие [4, с.108].

Дохристианская Древняя Греция относилась к пророкам неоднозначно. В догомеровскую эпоху причины умственной отсталости видели только в сверхъестественном вмешательстве. Позже, ближе к классическому периоду, подобного рода состояния считали следствием в том числе и естественных причин. В целом, отношение к безумным было негативным, народное сознание воспринимало этот недуг божественным проклятием, обрушившимся на человека. По словам Э.Р. Доддса, несмотря на это, к таким людям относились с благоговением, как к имеющим контакт с сакральным миром [4, с.105]. Античные пророки отличались от христианских юродивых, прежде всего, тем, что божественное вмешательство в сознание для первых являлось чем-то

желаемым, притязательным, если только не связывалось с гнетущей физиологической болезнью. Пророчество для христианина всегда связано с самоуничижением, смирением, долгой, трудной работой над собственным духовным миром. Помощь от Бога и силы для подвига юродивый получал по благодати. С точки зрения христианского мировоззрения, античным пророкам, пребывающим в религиозном экстазе и жаждущим последнего, присуща гордость, идущая от лукавого. Юродивые во Христе идут по иному духовному пути. Хотя этимологически «юродивый» в христианстве и «безумный» в античности имеют общее происхождение, сами феномены, их восприятие народным сознанием и место, занимаемое ими в обществе, имеют резкое качественное различие.

Итак, в античности долго оставалось негативное отношение к больным людям, если болезнь влияла на умственные способности человека. Однако Платон в «Тимее» говорит о болезненном состоянии как наилучшем для восприятия божественной силы [8]. Здесь скорее речь идет о некой расслабленности физического организма, отвлеченного от созерцания неистинного мира вещей, чем о болезненном безумии. Христианская категория «спасение» переводится с древнегреческого как «выздоровление от болезни»: «Спасение» – это перевод на русский греческого слова σωτηρια, которое происходит от глагола σωζω, последний же одного корня с прилагательным σως – здоровый. Отсюда σωτηρια означает оздоровление, как освобождение от болезни, от порчи. ... Если мы говорим о спасении как об исцелении в христианском понимании, то мы имеем в виду ... оздоровление человеческой природы от поразившего ее насмерть греха», – пишет священник Игорь Прекуп [9].

На страницах его работы мы также находим 5 греческих слов, означающих святость: « ... ιερος, οσιος, σεμνος, αγνος и αγιος, из которых αγιος употреблялся реже других, но исключительно этим словом выражается библейское понятие святости» [9]. Использовалось ли хотя бы одно из них применительно к юродивым, автор умалчивает. П. Флоренский дает краткий обзор содержания каждого из понятий. Слово ιερος близко по значению к жречеству, обрядовой форме языческого почитания. В Новом Завете оно трансформировалось в форму ιερατευμα, обозначая священство. Οσιος - означает незапятнанный, благочестивый, установленный божественным законом. Σεμνος переводится как почтенный, важный, благолепный. Отсюда и σεμνος – то, что принадлежит богам, что от них исходит, то, что находится под их особым попечением. Слово αγνος означает святость в смысле незапятнанности, чистоты, свободы [12, с.486]. И, наконец, слово αγιος, названное свящ. Игорем Прекупом особенно библейским: этим понятием перевели ветхозаветное «кадош», обозначающее «то, что стоит вне общего течения, вне обычного порядка вещей ... в противоположность тому, что обычно» [12, с.487], – здесь имеется в виду инобытие Бога. Человеку скорее будет присуще понятие «обожение» – стремление к святости, которое может быть получено долгим духовным трудом и божественной Благодатью.

Флоренский П.А. считает древнееврейское слово «кадош» и древнегреческое слово «αἴος» несопоставимыми, так как мифологическое сознание лишь интуитивно могло понимать, что имеет ввиду новая религия. Поэтому оно просто взяло уже доступный грекам термин, обозначив им новую (для понимания эпохи) форму божественного состояния. По Флоренскому П.А., в понятии «αἴος» отсутствует ведущее начало, свойственное христианству – это начало этическое, знаменателем которого выступает любовь [12, с.484]. Поэтому ни один из терминов, приведенных свящ. Игорем Прекупом для обозначения святости в Древней Греции, не мог быть в свое время применен для юродивых в христианском понимании слова. Таким образом, можно отметить, что категория «юродства» в рамках древнегреческого языка этимологически ближе к безумию.

В первом Послании к Коринфянам (1:18) русский перевод Библии использует слово «юродство»: «Ибо слово о кресте для погибающих юродство есть...», – и далее: «...благоугодно было Богу юродством проповеди спасти верующих» ([1Кор. 1:21](#)). В то время как оригинальный греческий текст в обоих случаях использует понятие μωρία – «глупость» [7]. Таким образом, мы можем прийти к выводу о том, что христианское содержание термина «юродство» долго вычленялось из античной среды, найдя свое подлинное выражение лишь в библейском тексте.

В старославянском языке данный феномен уже получает известное нам звучание. «Юродство» восходит к словам «оуродъ», «юродъ» [11, с.534] и «неуродившийся». Если раньше данное понятие, что у наших предков, что в античности имело лишь негативное звучание безумствования, то большинство современных российских словарей связывают данный термин лишь с христианским значением.

Проследить трансформацию термина и самого феномена юродства в дальнейшие исторические периоды является следующей ступенью на пути его понимания и выявления значимости для русской и мировой культуры в разные исторические периоды.

Список цитируемой литературы:

1. Благовестник, или толкование блаженного Феофилакта, Архиепископа Болгарского на Святое Евангелие от Марка. Электронный ресурс / Режим доступа Интернет: <http://rusbible.ru/slavic/mk.3.21.html>
2. Большой итальяно-русский и русско-итальянский словарь. Электронный ресурс / Академик - Режим доступа Интернет: http://dic.academic.ru/dic.nsf/ita_rus/31238/idiota
3. Дворецкий И.Х. Древнегреческо-русский словарь. Т.1 - М.: ГИИИ, 1958 - С.811, 1043с.
4. Доддс Эрик Робертсон. Греки и иррациональное. / Пер. с англ., коммент. и указатель С.В. Пахомова; Послесл. Ф.Х. Кессиди. – СПб: Алетейя, 2000 – С.108, 105, 470 с.

5. Иванов С.А. Блаженные похабы: Культурная история юродства. / Рос. академия наук. Ин-т славяноведения. – М.: Языки славянских культур, 2005 – С.33-34, 448 с.
6. Исупов К.Г. Русская философия как национальный тип творчества. Электронный ресурс / Научная электронная библиотека «КиберЛенинка» - Режим доступа Интернет: <http://cyberleninka.ru/article/n/russkaya-filosofiya-kak-natsionalnyy-tip-tvorchestva>
7. Новый Завет на греческом языке с подстрочным переводом. Электронный ресурс / Режим доступа Интернет: <http://www.superbook.org/UBS/1CO/1co1.htm>
8. Платон. Тимей. Электронный ресурс / Режим доступа Интернет: <http://philosophy.ru/library/plato/tim.html>
9. Прекуп И. Введение в христианскую этику. Электронный ресурс / Православное образование. - Режим доступа Интернет: http://www.pravoslavie.ee/docs/phelp_02.pdf
10. Туминская О.А. Энтелехия юродства в русской культуре Средневековья. Электронный ресурс. / Научная электронная библиотека «КиберЛенинка» - Режим доступа Интернет: <http://cyberleninka.ru/article/n/entelehiya-yurodstva-v-russkoj-kulture-srednevekovya>
11. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Пер. с нем. Трубачева О.Н., Т. 4. М.: Прогресс, 1987 - С.534, 864.
12. Флоренский П.А. Сочинения в 4-х тт. Т. 1– М.: Мысль, 1994 - С. 486, 487, 484, 797.